

УДК 1751

***ОБРАЗЫ ВЕДЬМ В ПОВЕСТЯХ Э. Т. А. ГОФМАНА «ЗОЛОТОЙ
ГОРШОК» И А. ПОГОРЕЛЬСКОГО «ЛАФЕРТОВСКАЯ МАКОВНИЦА»***

Семенова М. С.¹

*Балашовский институт Саратовского государственного университета
имени Н. Г. Чернышевского,
Россия, Балашов*

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности раскрытия мистических образов в повестях Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок» и А. Погорельского «Лафертовская маковница». С помощью сравнительно-исторического метода изучения литературы обнаруживаются параллели в художественных текстах русского и немецкого авторов. Тем не менее, в отличие от Э. Т. А. Гофмана, в тексте которого мистическое и действительное выступают равноправными, А. Погорельский показывает «инородность» магического элемента в ритме жизни его героев.

Ключевые слова: Э. Т. А. Гофман, А. Погорельский, Золотой горшок, Лафертовская маковница, повесть, образ ведьмы.

***IMAGES OF WITCHES IN THE STORIES OF E. T. A. HOFFMANN “THE
GOLDEN POT” AND A. POGORELSKY “LAFERTOVSKAYA
POKOVNITSYA”***

Semenova M. S.²

*Balashov Institute of Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky,
Russia, Balashov*

¹ Мельникова Л. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин БИСГУ.

² Melnikova L. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philological Disciplines of BISGU.

Abstract

This article examines the peculiarities of the disclosure of mystical images in the novels of E. T. A. Hoffman "The Golden Pot" and A. Pogorelsky "Lafertovskaya Makovnitsa". Using the comparative historical method of studying literature, parallels are found in the literary texts of Russian and German authors. Nevertheless, unlike E. T. A. Hoffman, in whose text the mystical and the real act as equals, A. Pogorelsky shows the "foreignness" of the magical element in the rhythm of his characters' lives.

Keywords: E. T. A. Hoffman, A. Pogorelsky, the Golden Pot, Lafertovskaya poppy, the story, the image of a witch.

В отечественном литературоведении проблема литературных контактов Э. Т. А. Гофмана и А. Погорельского неоднократно становилась предметом исследовательского внимания различных учёных. Подтверждение тому служат работы А. Б. Ботниковой [2], Е. С. Апальковой [1], Л. А. Мельниковой [8], А. В. Кожиковой [6] и К. В. Головой [3].

Лафертовскую Маковницу можно назвать «пороговым персонажем». Она является представительницей как потустороннего, так и земного миров. Несмотря на то, что Лафертовская Маковница приходится тётёй глубоко верующему человеку, почтальону Онуфричу, она поддерживает связь с нечистой силой.

В образе Лафертовской Маковницы М. П. Гребнева наблюдает черты, свойственные фольклорной Бабе Яге. К примеру, топографическое название «Проломная застава» – место, возле которого располагается «убогий домик» ведьмы, раскрывает, по мнению специалиста в области литературоведения, хранительную функцию торговли маковниками. Лафертовская Маковница, словно Баба Яга, оберегает пограничную заставу мрачного царства, в чём ей помогают потусторонние помощники – кот и ворон [5, с. 46].

В её двойственном портрете более наглядно изображено тёмное начало (старушка безымянна, она «добивает девятый десяток», днём будто умирает, теряя способность говорить, а ночью оживает, чтобы заняться колдовством).

Образ Лафертовской Маковницы создаётся Антонием Погорельским на основе «сумеречного» изображения фантастического.

Такой тип отношений реального и ирреального Ю. В. Манн называет «завуалированной» или «неявной» фантастикой; в число её признаков входят наличие фантастической предыстории, в которой рассказывается об истинно нереальных происшествиях, также сведения повествования о фантастической составляющей в форме слухов, предложений, сновидений.

Так, фантастическая предыстория в повести – фрагмент, повествующий о сверхъестественном событии, которое произошло с верующим Онуфричем в доме его тётушки. Бедный почтальон отправляется в гости к Лафертовской Маковнице, известной в округе гадалке, сколотившей несметное состояние с помощью умения предвидеть ближайшее будущее, с просьбой «покаяться и отказаться от сатаны и от наваждений его». Результат такого рода настояния оказывается для Онуфрича неожиданным. Племянник узнаёт, что его тётя является настоящей ведьмой: «Губы её посинели, глаза налились кровью, нос громко начала стучаться об бороду» [9, с. 7].

При одном только упоминании о Боге, являющемся заклятым врагом для тех, кто занимается чернокнижием, Лафертовская Маковница приходит в исступление. Она сбрасывает маску доброжелательности и показывает свою подлинную демоническую сущность.

Особенно выразительно грань между «было – не было» проявляется на лексическом уровне. В эпизоде о фантастическом инциденте, произошедшем с бедным почтальоном в доме торговли маковниками, отсутствуют маркеры «сумеречности», то есть нет слов, которые относятся к семантическому полю «уверенность – неуверенность». Таким образом, подлинность случившейся истории не опровергается.

Выразителен эпизод, когда Онуфрич только собирается начать разговор со своей тетушкой. Повествователь через иронично-гротескное сравнение и лексему «показалась» старается передать эмоциональное состояние ужаса, испытываемого племянником перед своей теткой: «дряхлая старушка показалась ему страшнее, нежели лет тридцать тому назад турецкая батарея» [9, с. 7].

Языковой пласт повести Антония Погорельского становится наиболее важным указателем на «сумеречную» природу ирреального в фантастических эпизодах, которые повествуют о циркулирующих в обществе мифах и слухах о Лафертовской Маковнице.

Раскрыв её действительную сущность, писатель делает Лафертовскую Маковницу основным действующим лицом отрывков, в которых содержится «завуалированная» фантастика. В них приводится описание того, как жители Лафертово предпринимают попытки отнести старуху к нечистой силе, но их действия заканчиваются неудачей.

Мифы вокруг торговли маковниками таковы: «Они уверяли, что сами видали, как в тёмные ночи налетал на дом старухи большой ворон с яркими, как раскалённый уголь, глазами; иные даже божились, что любимый чёрный кот, <...>, не кто иной, как сам нечистый дух» [9, с. 5].

Мнение о Лафертовской Маковнице формируется в народе на основе суеверий о ведьме. А. В. Гура отмечает: «Ведьму можно определить по черному ворону, сидящему на ее доме» [7, с. 59]. Т. А. Новичкова указывает, что «колдуны, вступившие в договор с дьяволом, получают в услужение бесов и пользуются последними во вред людям» [7, с. 59].

С одной стороны, фольклоризированная природа слухов, окружающих загадочную старушку, в общественном сознании является единственно точным доказательством бесовской сущности Маковницы. С другой, нельзя исключить того, что люди, завидовавшие богатству старухи, специально приписывают ей характеристики колдуньи, чтобы убедить в этом суеверных

обывателей Лафертово, истинно верящих в существование сверхъестественного. Например, замечание повествователя о том, что «только те люди, которые переселялись далеко от Лафертовской части, осмеливались громко называть Маковницу ведьмою» [9, с. 5], не раскрывает колдовскую сущность старухи, а, напротив, снижает ее, ведь людям, сведущим в мифологии, должно быть известно, что, перебравшиеся подальше от дома ведьмы своим переездом вовсе не обезопасили себя от ее гнева.

Усиливают эффект клеветы глаголы «уверяли» и «божились», объединенные семантикой попытки убеждения в достоверности рассказываемого, которая так характерна именно для слухов – «молвы, известия о ком-нибудь, обычно еще ничем не подтвержденного» [7, с. 59].

Слова, имеющие амбивалентное смысловое значение «было – не было» («когда-то давно», «будто бы»), выступают в роли лингвистических маркеров «завуалированности» природы зла Лафертовской Маковницы.

В повести содержится реминисценция былички о ведьме, отомстившей своему обидчику. Подтверждает это людской страх перед Лафертовской Маковницей, из-за которого между собой они называют её колдуньей и ведьмою, но во время личных встреч с ней низко ей кланяются, умильно улыбаются и называют бабушкой.

Такое поведение народа объяснимо: в наказании, постигшем доносчика, люди, сведущие в мифологии, обнаружили ведьмовской сглаз («Ведьме приписывалась способность насылать порчу на людей, домашних животных, растения, ее главным вредным свойством считалась способность портить скот и отбирать у коров молоко»). Мифологическая основа рассказней, посредством которых тогдашний обыватель пытался обвинить человека в причастности к чертовщине, условно обозначенное время происхождения загадочного события – «когда-то давно» и абстрактно названный человек, испытавший на себе гнев Маковницы («один из

соседей»), не дает нам оснований говорить об истинной ведьмовской сущности старушки. Скорее всего, это очередная байка, порожденная завистью окружающих богатству торговки маковыми лепешками.

К разряду слухов можно отнести и эпизод, содержащий истории «очевидцев» о странных обстоятельствах ночи, когда умирала старуха. Трудно поверить в правду этих рассказов потому, что, во-первых, в каждой из них подробности о смерти гадалки представлены по своему, во-вторых, свидетелями паранормального происшествия оказываются некто неопределенные «они», «иные», «другие».

Так, одни утверждают, что обнаружили старуху мертвой в ее доме, другие – что «сильная буря бушевала около ее хижины, тогда как везде погода стояла тихая; собаки из всего околотка собрались перед ее окном и громко выли» [9, с. 16]. Иные уверяют, что «видели, как с самого Введенского кладбища прыгающие по земле огоньки длинными рядами тянулись к ее дому» [9, с. 17], а сам будочник, пересказывающий Онуфричу все эти людские толки, замечает: «Что касается до меня, то я нынешнюю ночь спокойно проспал» [9, с. 16].

Описания необъяснимых явлений, происходящих вокруг дома умирающей ведьмы, полностью соответствуют народным представлениям о тяжелом уходе на тот свет людей, продавших душу дьяволу: «За свою связь с нечистой силой ведьма наказывается трудной смертью; во время ее агонии поднимается буря или появляется черная собака, не исчезающая до самых похорон». Мифы вокруг несметных сокровищ Маковницы, которыми колдунья якобы обладала при жизни, также нашли отражение в людских выдумках: «Клад дает знать о себе знаками: горящими огоньками, свечами, видениями». В то же время в правдивости мифологизированных слухов, бытующих вокруг обстоятельств смерти гадалки, заставляет усомниться тот факт, что соседи не побоялись войти в дом к покойной старухе и провести все необходимые обряды перед погребением: «Услужливые старушки, забыв

страх, который внушала им старушка при жизни, успели ее уже омыть и одеть в праздничное платье» [9, с. 17]. Из народных поверий известно, что «мертвая ведьма едва ли не опаснее живой». Учитывая фольклорную природу всех толков, намекающих на демоническую сущность Маковницы, люди не могли не знать этого. Отсюда приготовления к погребению покойницы, сделанные соседями, можно расценивать как доказательство лживости людских наговоров на гадалку. Вероятнее всего, таинственные истории были продолжением народной мифологизации загадочного образа Маковницы. Люди, при ее жизни выдумывающие доказательства причастности старухи к нечистому, узнав о ее смерти, не могли не подкрепить сложившуюся демоническую репутацию гадалки страшными рассказами о мучительном уходе ведьмы на тот свет.

Следовательно, Лафертовская Маковница у Антония Погорельского – это женщина, которая относится к общине ведьм. Из-за этого простой народ избегает и боится её, несмотря на то, что она никому из них зла не делает.

В повести Эрнста Теодора Амадея Гофмана «Золотой горшок» в системе персонажей также присутствует героиня, обладающая сверхъестественной силой – фрау Рауэрин. При этом функции ее разнообразны: она является гадалкой и ведуньей, выступает олицетворением тёмных сил, а в прошлом была няней Вероники, относящейся к числу основных действующих лиц произведения. В образе фрау Рауэрин Эрнст Теодор Амадей Гофман соединяет как представления народа о колдуньях, так и черты, которые приписывает последним церковью.

К числу основных характеристик данной героини относятся неопрятный внешний вид и плохое зрение: « ... худая, в чёрные лохмотья закутанная женщина! ... беззубый рот, осенённый сухим ястребиным носом, ослаблялся в улыбку и светящиеся кошачьи глаза бросали искры сквозь большие очки» [4, с. 180]. Ей необходимы определённые благоприятные условия для совершения магического обряда, такие как: «будущее

равноденствие в одиннадцать часов, ночью», визит на перекрёсток. Для того чтобы вызвать духов ведунье нужны котёл, «из которого вырывается густой дым и сверкающие красные лучи», и «огненное кольцо». Чёрный кот, являющийся воплощением дьявола, её сопровождает. Молодая девушка Вероника выступает антиподом своей няни. Темнота ночи и пламень костра по принципу антитезы сопоставляются с белым цветом одежды и изяществом внешнего облика девушки. Молитвы, в которых она обращается к ангелу, противоречат таинственному действию колдовства.

Образы фрау Рауэрин и Вероники показывают сложное взаимодействие разных онтологических планов. Ввиду своего договора с дьяволом, ведунья оказывается на границе двух миров: реального и ирреального. Несмотря на то, что Вероника вступает в контакт с нечистой силой, её связь с обыденным миром не разрывается. Таким образом, в повести «Золотой горшок» Э.Т.А. Гофман развивает мировоззренческую концепцию, которая складывается на основе неразрывно связанного существования и взаимного влияния земного и потустороннего миров и включает в себя народные суеверия, фольклорную традицию, теологические представления о магии и колдовстве.

В название повести Антония Погорельского вынесено прозвище, данное жителями Лафертово родственнице почтальона Онуфрича, каждый день отправлявшейся к Проломной заставе торговать маковыми лепёшками, которые «умела она печь особым искусством». Обратим внимание, что фрау Рауэрин в повести «Золотой горшок» тоже занимается торговлей, но продаёт она не маковые лепешки, а яблоки и пирожки [10, с. 104].

Героиня повести Э. Т. А. Гофмана обитает у Озерных ворот на «отдалённой улице» Дрездена, в то время как Лафертовская Маковница – у Проломной заставы на окраине Москвы. Обе занимаются гаданием. Данное действие является тяжёлым испытанием для Вероники и Маши: обмороком заканчивается описание ритуалов фрау Рауэрин в бурю близ Дрездена, в то время как Маша несколько раз теряет сознание в гостях у «бабушки».

В изображении характеров героинь-ведьм у Антония Погорельского и Эрнста Теодора Амадея Гофмана имеется много сходств. К примеру, обе ведуньи склонны к непредсказуемому, причудливому поведению и не скупятся на ругань при первой удобной возможности. Фрау Рауэрин восклицает вдогонку студенту Ансельму, опрокинувшему её корзину: «Убегай, чёртов сын, чтоб тебя разнесло ...» [4, с. 141]. Лафертовская Маковница А. Погорельского также резко воспринимает предложение своего племянника «образумиться». «Вон, окаянный!.. и чтоб проклятые ноги твои навсегда подкосились ...» [9, с. 7]. В обоих случаях оскорбления ведуний, которые, возможно, предвидели дальнейшие события, направлены на человека, который потом, в продолжении повести, будет являться представителем направленного против них лагеря.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в художественных мирах рассматриваемых произведений в заявленном аспекте присутствуют следующие параллели:

- героини-ведьмы являются представителями злого начала;
- они балансируют на границе реального и ирреального миров;
- героини-ведьмы пытаются повлиять на судьбу молодых девушек;
- они имеют магических помощников – животных.

Всё это свидетельствует о переосмыслении А. Погорельским традиций Э. Т. А. Гофмана. Но, в отличие от представителя немецкого романтизма, в тексте которого мистическое и действительное равноправны, русский писатель XIX века демонстрирует «инородность» магического элемента в образе жизни его персонажей. В повести «Лафертовская маковница» изображены в гротескной форме ирреальные герои и события. Они представлены как факторы, которые нарушают привычный ход жизни бедного почтальона Онуфрича и его семьи. Это предоставляет возможность говорить о том, что идеи Э. Т. А. Гофмана были подвергнуты творческой переработке со стороны А. Погорельского.

Библиографический список

1. Апалькова, Е. С. Рецепция традиций Э. Т. А. Гофмана в повестях А. Чаянова и А. Погорельского / Е. С. Апалькова // Stephanos. – 2022. – № 2(52). – С. 137–147. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48204030> (дата обращения: 06.05.2024). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Ботникова, А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм / А. Б. Ботникова. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 347 с.
3. Голова, К. В. Рецепция творчества Э. Т. А. Гофмана в русской литературе первой трети XIX века : специальность 10.01.01 "Русская литература", 10.01.03 "Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / К. В. Голова. – Магнитогорск, 2006. – 22 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15898603> (дата обращения: 31.05.2024). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
4. Гофман, Э. Т. А. Сказки / Э. Т. А. Гофман. – М.: «Детская литература», 1989. – 250 с.
5. Гребнева М. П. Жанровая структура повести А. А. Погорельского "Лафертовская маковница" / М. П. Гребнева // Культура и текст. – 1997. – №2. С. 45–47. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-struktura-povesti-a-a-pogorelskogo-lafertovskaya-makovnitsa> (дата обращения: 06.05.2024). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
6. Кожикова, А. В. Восприятие Э. Т. А. Гофмана в России 30-40-х годов XIX века (к проблеме формирования и трансформации культурного мифа) : специальность 10.01.01 "Русская литература" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. В. Кожикова. – Череповец, 2007. – 22 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30312405> (дата обращения: 31.05.2024). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. Кривоус, Т. В. Специфика создания образа женщины-ведьмы в повести А. Погорельского "Лафертовская маковница" и Н.В. Гоголя "Ночь

перед рождеством" / Т. В. Кривоус // Филологические открытия : Сборник научных статей VII Международной научно-методической конференции, Уссурийск, 23 мая 2019 года / Ответственный редактор Н.В. Беляева. – Уссурийск: Дальневосточный федеральный университет, 2019. – С. 58–63. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41136134&pff=1> (дата обращения: 06.05.2024). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

8. Мельникова, Л. А. Мотив кукольности в рассказе А. Погорельского «Пагубные последствия необузданного воображения» / Л. А. Мельникова // Дневник науки. – 2021. – №5. – URL: <https://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2021/5/philology/Melnikova.pdf> (дата обращения 31.05.2024). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

9. Погорельский, А. Лафертовская Маковница / Погорельский А. –М.: ООО «ДА!Медиа», 2014. – 43 с.

10. Рыбко, И. А. «Лафертовская маковница» А. А. Погорельского. Литературные параллели/ И. А. Рыбко // Вестник МГУП. –2011. – №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lafertovskaya-makovnitsa-a-a-pogorelskogo-literaturnye-paralleli> (дата обращения: 06.05.2024). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Оригинальность 81%